

L. LACROIX, *Monnaies et colonisation dans l'Occident Grec*, Académie royale de Belgique, Bruxelles, 1965, 176 стр.

Для исследований по истории древней Греции, принадлежащих перу профессора Льежского университета Леона Лакруа, характерно широкое привлечение свидетельств памятников материальной культуры: пластики, надписей, архитектуры и особенно монет. Так, например, в рецензируемой работе автор, исследуя монетные типы отдельных городов Великой Греции и широко используя данные письменных источников, топонимики и археологии, подверг изучению ряд частных проблем греческой колонизации Запада.

Автор отмечает в предисловии, что монеты, чеканка которых в городах Сицилии и Южной Италии началась в первой половине VI в., не могут дать прямых свидетельств об эпохе колонизации или о еще более ранних событиях, однако их типы сохранили для нас память о традиции, относящейся ко времени колонизации и проливают свет на определенные аспекты этого явления. Характер основного источника в большей мере определил структуру книги, которая, по словам автора, представляет собой «серию этюдов», сгруппированных в следующие пять глав: «Метрополи и колонии», «Миграции народов и легендарная колонизация Сицилии», «Эпонимы и легендарные основатели городов в Южной Италии», «Местоположение колонии» и, наконец, «Дельфийский оракул и колонизация».

К сожалению, недостаточная документированность источниками этих чрезвычайно сложных вопросов заставляет исследователя прибегать к различного рода гипотезам и предположениям, более или менее обоснованным. Вследствие этого, естественно, не все этюды равноценны, хотя в целом работа Лакруа отличается тонкой интерпретацией данных нумизматики и других источников, в полной мере являющей разностороннюю эрудицию автора.

Наиболее удачной, на наш взгляд, является глава о роли Дельфийского оракула в колонизационном движении. Автор показал несостоятельность попыток, сделанных в последнее время Ж. Дефраса, отнестись существенное влияние Дельфийского святилища лишь к VI и последующим векам¹. Действительно, оракулы, данные ойкистам ряда городов Великой Греции, в том виде, в каком они дошли до нас, были сфабрикованы в послеколонизационное время, однако,

по справедливому замечанию автора, это не значит, что Дельфийское божество не запрашивалось перед столь ответственным мероприятием, как основание города. Лакруа обращается к данным нумизматики, которая, в противовес письменным источникам, дает определенный объективный материал для выяснения роли Дельфийского святилища в греческой колонизации.

На монетах различных городов Великой Греции нередко встречаются атрибуты Аполлона: лук, ветвь лавра, омфал, изображенный на монетах Катаны, треножник, представленный на монетах Леонтии и Тавромении, основанного жителями разрушенного Накса в 358 г. Изображение омфала, обвитого змеей, и головы Аполлона на тавроменийских монетах с легендой ΑΡΧΑΓΗΤΗΣ является весьма показательным, ибо такой же мотив присутствует на монетах Дельфийской амфикионии, что говорит о связи Парнасского божества с Аполлоном Архагетом, чтимым в Наксе и Тавромении. Следовательно, именно Аполлон Дельфийский был патроном халкидской колонизации, приведшим предприимчивых островитян на берега Сицилии и Южной Италии. Вместе с тем, местоположение Дельфийского святилища (центр земли — по представлениям греков) было таким, что к его помощи мог прибегнуть любой город Пелопоннеса, средней или северной Греции. Роль Дельфийского оракула весьма велика именно в колонизации Запада, так как его божество было патроном не только халкидских переселенцев, но, как показывают данные нумизматики, и дорийских и ахейских колонистов.

Интересны прослеженные Лакруа по данным нумизматики некоторые моменты внутренней истории Занклы-Мессены. После захвата города переселенцами с

тот факт, что в микенской ономастике неоднократно засвидетельствованы такие теофорные имена, как Πυθεύς, Πύθης, Πύθας, *Πύθολος (Py-te-u, Pu-te, Pu-ti-ja, Pu-to-ro; транслитерация М. Вентриса и Дж. Чадвика, за исключением первого имени, см. O. L a n d a u, *Mykenisch-griechische Personennamen*, Göteborg, 1958, стр. 113). Открываемый в процессе раскопок последних лет микенский материал в Дельфах становится все более многочисленным. В прямой связи с этим стоит сакральная легенда о критянах — жрецах Аполлона Пифийского (Hom. Hymn. in Apoll. Pyth. v. 210 etc.). См. M. P. Nilsson, *The Minoan-Mycenaean religion*, Lund, 1950, стр. 576 сл.; L. A. Stella, *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*, Roma, 1965, стр. 245.

¹ J. Defradas, *Les thèmes de la propagande delphique*, P., 1954, стр. 233 сл. Свидетельством известности дельфийского культа Аполлона Пифийского уже в XV—XIII вв. до н. э. является

о. Самоса исчезает обычный тип монет с легендой ΔΑΝΚΑΙΟΝ и с изображением дельфина и появляется самосский тип с изображением головы льва (аверс) и протомы теленка (реверс). Монеты такого же типа выпускались в дальнейшем и в Регии. Лакруа подверг справедливой критике точку зрения Е. С. Робинсона, который считал, что самосские монетные типы по характеру существенно отличаются от подобных типов Занклы и Регия, и толковал изображение на аверсе в качестве эмблемы главного божества Регия — Аполлона, а в протоме теленка видел этимологический намек на название Италия (*itzalos*, лат. *vitulus* «теленка»).

Гипотеза Робинсона, имеющая некоторую долю вероятности по отношению к монетной чеканке италийского Регия, не может объяснить аналогичный монетный тип Занклы — города сицилийского, хотя и объединенного одно время с Регием под властью Анаксплая. По мнению Лакруа, этот монетный тип все же следует связывать с самосцами, так как протомы коровы является символом Геры, главной богини Самоса и, что особенно важно, Халкидики — метрополии Занклы и Регия.

Дальнейшие изменения монетных типов отражают перипетии внутрисполитической борьбы между пришельцами из Мессены и старым халкидским населением города. Примерно с 480 г., когда Анаксплай провел реформу монетного дела и перешел с эвбейско-халкидской весовой системы на эвбейско-аттическую, самосские типы исчезают и появляются монеты с изображением колесницы и зайца. Фигурирующий в культе Пана заяц является элементом пелопоннесского культа, привнесенным мессенцами, которые возобладали над старым халкидским населением города. После свержения тирании на монетах Мессены появляется старый знак — дельфин и легенда ΔΑΝΚΑΙΟΝ, означающие недолгий возврат к халкидской традиции. В дальнейшем в Занкле — Мессене продолжается чеканка монет с изображениями колесницы и зайца — пелопоннесский этнический элемент здесь окончательно возобладал над халкидским.

Определенный интерес представляет проведенное Лакруа исследование золотого статера Тарента второй половины IV в. с изображением сидящего Посейдона и юноши, вопрошающего простершего к нему руки. Автор подвергает убедительной критике истолкование этого монетного типа, данное А. Эвансом, который считал, что здесь в символической форме отражено обращение Тарента, воевавшего с янгиами и мессапами, к Спарте, приславшей вспомогательные войска под командованием Архидамы III. Лакруа обращает внимание на то, что совершенно аналогичная сцена изображена в гим-

не к Артемиде Каллимаха, где описывается, как богиня, испрашивая себе почестей, дотронулась руками к подбородку своего отца и благосклонный Зевс пообещал подарить ей 30 городов, в которых будут чтить только божественную охотницу. Опираясь на эту литературную параллель, автор высказывает предположение, что на статере изображен Тарент, просящий своего отца, Посейдона, подарить ему город. На других монетах с изображением юноши, сидящего на дельфине и простершего вперед руки, по мнению автора, можно видеть продолжение этой сцены. Тарент плывет на дельфине к италийскому берегу, где в его честь будет основан город².

Значительный материал содержится также в главе о местоположении колоний, в которой прослежено отражение на монетных типах таких факторов, как плодородие почвы, морская среда и рассмотрены символы, указывающие на основу процветания того или иного города, — колосья, зерна, гроздь винограда, амфоры, листья сельдерея и пр. Показана также огромная роль рек и источников при выборе места основания колоний, божества которых иногда становились эпонимами городов. Изображения зерен ячменя и колосьев, часто встречающиеся на монетах городов Великой Греции, свидетельствуют, по мнению автора, о том, что колонизация Запада преследовала преимущественно аграрные цели.

Заслуживают внимания результаты проведенного Лакруа исследования тетрадрахм Сегесты, на которых помещалось изображение обнаженного юноши-охотника с копьем и собакой у ног. Обычно считали, что здесь изображено божество реки Кримиссос, однако Лакруа убедительно доказал, что сегестяне поместили на своих монетах изображение Пана, бывшего в числе своих прочих привилегий также покровителем счастливой охоты. Он обращается к литературным параллелям — произведениям античных поэтов, посвященным аркадскому божеству, которые указывают на возможность отождествления юноши-охотника с Паном. На монетах Сегесты, так же как и Пан в поэтических произведениях, юноша-охотник изображен

² Истолкование жеста Тарента (*il manifeste son allegresse*), о котором нумизматы высказали немало предположений, представляется менее убедительным; скорее всего в нем передано стремление плывущего удержать равновесие, что хорошо видно по другим сериям этого же монетного типа, ср. A. Franke, M. Hirmer, *Die Griechische Münze*, Münch., 1964, табл.

пристально взглядывающимся (*ὄψα δερκόμενος* — Нумме Номег а Пан, 14), стоящим на скале (*πετροβάτης* — Poet. ign. ap. Stobee, I, 1, 31a) в позе наблюдателя (*σκοπιῆτης* — Anth. Pal., VI, 16, 1; 34,5; 109,9). Такое истолкование данного монетного типа представляется нам весьма правдоподобным, так как подтверждается иконографией Пана, который в V—IV вв. иногда изображался в виде обнаженного юноши с небольшими рожками (бронзовая статуэтка и мраморный рельеф из Афинского Национального музея, копия римского времени со статуи школы Поликлета из Лейдена, бронзовые статуэтки из музея в Эрлангене и Берлинского государственного музея)³.

Култ Пана, возможно, был занесен в Сегесту пелопоннесскими греками; сооставление тетрадрахм Сегесты с монетами Герэи и Паррасии (Аркадия), на которых помещено аналогичное изображение Пана, по мнению Лакруа, проливает определенный свет на связи города элимов с Аркадией, которые остаются для нас пока еще загадочными.

Чрезвычайно интересен этюд Лакруа о царствах сыновей Эола. Имена трех из шести сыновей Эола встречаются на монетах городов Великой Греции: Иокаста — в Регии, Феремона — в Мессене и Агафирна — в Тиндариде. На драхмах и тетрадрахмах Регии (между 461—420 гг.) помещено изображение обнаженного до пояса Иокаста, сидящего в царственной позе с железом в руке. На некоторых монетах под креслом изображена змея, от укуса которой, по рассказу Гераклида Лембосского, погиб Иокаст. На драхмах Мессены, чеканившихся в конце V в., легенда *ΦΕΡΑΙΜΩΝ* персонафицирует война со щитом и копьем в руках. Как сообщает Диодор, Феремон царствовал со своим братом Андроклом в той части Сицилии, которая была расположена между Мессеной и Лилибеем. На монетах Тиндариды изображение война со щитом и копьем сопровождается легендой *ΑΓΑΘΥΡΝΟΣ*.

Объяснение этим монетным типам дали раскопки Луиджи Бернабо Бреа, который раскрыл в Милаццо (древние Милы) и на Эоловых островах так называемую авонскую культуру⁴. Отличающаяся

от современных ей сицилийских культур, она близка южноиталийским культурам конца бронзового и начала железного века. Память об этой процветавшей некогда на берегах Мессенского пролива цивилизации сохранилась в легендах о царствах сыновей Эола. Таким образом, благодаря данным археологии и нумизматики стала очевидной историчность основы переданной античными авторами легенды о царстве Эола и его сыновьях.

Наряду с такими интересными и значительными выводами в работе Лакруа встречается ряд спорных и проблематичных положений. Так, например, точка зрения автора выглядит недостаточно аргументированной в его полемике с Е. Равеном, который объяснял появление изображения легендарного сицилийского героя Левкаспида на драхмах Сиракуз конца V в. стремлением сиракузян привлечь на свою сторону туземное население — сиколов — ввиду опасности, исходившей от войска афинян⁵. По мнению Лакруа, этот дипломатический ход обращен не к сикелам, а к сиканам, которые, следовательно, имели большой престиж в глазах сиракузян, признававших их де юре законными владельцами Сицилии; сами сиракузяне обосновывали свое формальное право на владение землей тем, что основатель их города — Архия — был потомком Геракла, победившего в поединке сиканских вождей. Точке зрения Лакруа в данном случае трудно отказать предпочтение, так как основным его доводом является то, что Левкаспид, согласно Диодору, был вождем сиканов, а не сикелов⁶.

В списке, приведенном Диодором, имена трех первых вождей — Левкаспида, Педнакрата и Буфона — могут быть объяснены из греческого языка, остальные три имени являются, очевидно, сиканскими. На наш взгляд, для решения данного вопроса важно выяснить, какому народу — сиканам или сикелам — свойствен грецизированный ономастикон, в частности имя Левкаспид⁷. Си-

⁵ E. J. P. Raven, The Leucaspis Type at Syracuse, Actes du Congrès international de numismatique, P., 1953 (1957), стр. 77 сл.

⁶ Dioid., IV, 23,5: «Он (Геракл) прошел с быками во внутренние области (Сицилии) и разбил большое войско вступивших в борьбу туземных сиканов... и многих убил, среди которых, как некоторые рассказывают, были и славные вожди, коим доныне героические почести воздаются, — Левкаспиду и Педнакрату, и Буфону, и Глихату, да еще Битею и Критиду».

⁷ *Λεβκασις* встречается в качестве эпитета в «Иллиаде» (XXII, 294) и у трагиков; известен также герой Левкаспид в Аттике; на Самосе это имя встречается в одной архаической надписи.

³ См. F. Brommer, Pan im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr., «Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft», 15, Potsdam, 1949/1950, стр. 5—42. Попутно отметим, что третья литературная параллель приведена автором без достаточных оснований, так как *σκοπιῆτης* в качестве эпитета Пана употреблялся поэтами Палатинской Антологии (Риан, Антипатр Сидонский, Архий) в смысле «житель гор», а не «наблюдатель» (*guetteur*).

⁴ L. Bernabo Brea, Sicily before the Greeks, N. Y., 1960, стр. 137—146.

каны, как установил еще Ф. Ф. Соколов, не могли носить греческих имен, в то время как сикелы — могли⁸. Данные лингвистики говорят о неиндоевропейском характере языка сиканов, в то время как язык сиколов довольно близок итальянским языкам, в частности латинскому⁹. Этот факт нашел хорошее объяснение в теории «протолатинской общности», выдвинутой Ф. Рибеццо, согласно которой сиколы, авзоны, энотры, италы, моргеты составляли некогда лингвистически, а по всей вероятности и этнически, единую группу. Множественность названий, по Ф. Рибеццо, можно объяснить, во-первых, как обозначения локальных групп, и, во-вторых, как обозначения множественности одного этнического комплекса¹⁰. С другой стороны, данные традиции и языка свидетельствуют об определенном этническом родстве сиколов с древнейшим субстратом греческих племен, восходящем к отдаленнейшим временам. Согласно Плинию, «энотры, италы, моргеты, сиколы — это большие греческие народы» (HN, III, 71). По Павсанию, пеласги, населявшие некогда Афины, были сикелами (I, 28, 3; ср. Эфор и Strabo, V, 2, 4). Свидетельства традиции о родстве, или вернее сказать, тождестве пеласгов и сикелов хорошо согласуются с данными лингвистики: ряд сикольских топонимов имеет такие «пеласгические» суффиксы, как SS- и -nth-, Инесса, Гербесс, Моргантин, Галунтий. Пеласги же состоят в тесной, но пока еще не совсем ясной генетической связи с древнейшими греческими племенами: аркадцами, ахейцами и т. д. Об этом же свидетельствует и ареал распространения топонимов в форме этника сиколов, которые встречаются во Фракии, в Аттике, Акраннии, Эпире, на Иллирийском побережье, в Северной Италии, Лациуме, на римских холмах, в земле сабинов, в Пиценской области, в Бруттии, на юге Италии¹¹. Ф. Ф. Соколов, крупнейший знаток античных авторов, писал, что «можно считать эти данные достоверными, потому что они прекрасно изображают нам путь сиколов ... через Фракию, Фессалию, Атти-

ку, Акраннию, Эпир, Иллирию ... в Италию»¹². Таким образом, уходящая в глубокую древность этническая общность сиколов и греческих племен позволяет говорить о какой-то близости их ономастике, откуда следует, в частности, что если не произошло никакого переосмысления имени древнего героя, то Левкаспид, к которому зывали сиракузяне, по логике вещей мог быть только сикольским, а не сиканским вождем. Приведенный Диодором список вождей сиканов явно прошел через руки какого-то малоосведомленного мифографа предшествующего времени, который не только смешал разноплеменные имена, но и сделал Левкаспиду вождем сиканов.

Что же касается известия Фукидида о враждебном отношении сиколов к сицилийским грекам, на которое ссылается Лакруа в подтверждение своей точки зрения, то нужно сказать, что этот источник использован им односторонне, так как в этой же книге Фукидид сообщает, что часть сиколов в Сицилийской войне 415—413 гг. сражалась на стороне сиракузян¹³.

Лишена всяких доказательств точка зрения автора и в вопросе об участии жителей острова Наксоса в основании одноименной халкидской колонии в Сицилии. Еще Рауль-Рошетт, основываясь

¹² Там же. Согласно новейшим изысканиям, пеласгические народы, а следовательно, и сиколы, пришли в Эгеиду в конце III тыс. В Сицилию, согласно традиции, сиколы пришли лет за 300 до эллинов, т. е. примерно в XI в. (Th u s., VI, 2, 5). Эти сведения хорошо подтверждаются данными археологии, см. Pallotino, ук. соч., стр. 54. Вместе с тем, изучение археологического материала привело Дж. Патрони к мысли, что переселение сиколов в Сицилию происходило постепенно, начавшись с конца энеолита, и что с ними связана культура бронзового века в Сицилии, см. G. Patroni, La Preistoria, Milano, 1937, стр. 455.

¹³ Из тех сиколов, которые живут, главным образом, на равнинах и подчинены сиракузянам, отложились от сиракузян лишь немногие; напротив, сиколы, занимающие внутреннюю часть острова, поселения которых всегда и раньше были независимы, за небольшими исключениями, немедленно примкнули к афинянам, доставляли их войску съестные припасы, а некоторые даже и деньги. Против сиколов, отказавшихся присоединиться к афинянам, последние пошли войною и одних стали присоединять к себе силою, со стороны других же встретили противодействие в лице сиракузян, которые отправили туда гарнизоны и вспомогательное войско» (VI, 88, 4—5, пер. Ф. Г. Мищенко).

⁸ Ф. Ф. Соколов, Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии, СПб., 1865, стр. 95.

⁹ И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 53 сл.; B. P a s e, Arte e civiltà della Sicilia antica, v. I, Milano, 1935, стр. 163—167.

¹⁰ F. R i b e z z o, Rendiconti dell'Ac. dei Lincei, VIII (1955), стр. 555—560; M. P a l l o t i n o, Le origine storiche dei popoli Italici, «Relazioni del X congresso internazionale di Scienze storiche», v. II, Firenze, 1955, стр. 54.

¹¹ Соколов, ук. соч., стр. 76.

на словах Гелланика¹⁴, предположил, что в числе основателей первой греческой колонии в Сицилии были переселенцы с кикладского Наксоса. Эту точку зрения приняли впоследствии Циглер, Г. Кан, Дж. Данбэбин, Р. Ван Компенголь. Однако в последнее время Ж. Берар подверг сомнению это предположение, справедливо считая, что данный пассаж Гелланика может относиться к Леонтинам или Катане, основанным Теокомом из Наксоса Сицилийского¹⁵. Лакруа, полностью поддерживая точку зрения Берара, пытается подкрепить ее данными нумизматики. Он сопоставляет архаические монеты острова Наксоса, на которых изображен канфар, с монетами Наксоса Сицилийского, на которых изображен Дионис (на реверсе — кисть винограда), и заключает, что это сопоставление указывает лишь на то, что колонисты прибыли в Сицилию из бассейна Эгейского моря, так как культ Диониса в столь раннее время (VI в.) мог возникнуть только в зоне распространения культуры винограда. Придя, таким образом, к выводу о том, что данные нумизматики не подтверждают гипотезу Рауль-Рошетта, Лакруа пытается по-своему объяснить, почему же халкидская колония была названа Наксосом. По его мнению, колонисты, высадившись в долине Ассинос, были поражены ее необычайным плодородием и по аналогии с волшебным в потоворку изобильнейшим из Кикладских островов (Herod., V, 28) назвали свой город Наксосом (*le nom de Naxos est venu naturellement à leur esprit*). К сожалению, в этом объяснении художественный элемент превалирует над научным, ибо данные античных историков в сопоставлении со свидетельствами нумизматики показывают правильность традиционной точки зрения. Ключ к решению данного вопроса содержится в необычайной популярности культа Диониса на острове Наксосе. Как передает Диодор, Дионис, по рассказам наксиян, родился и был вскормлен на их земле, поэтому он очень любил этот остров и предпочитал его другим; по этой причине остров иногда называли Дионисиадой (V, 52, 1). Если вспомнить, что главным божеством метрополии Наксоса — Халкидики — была Гера, то появление изображения Диониса на монетах ее колонии можно объяснить именно тем, что в основании Наксоса приняла участие большая часть островитян, перенесших культ своего божества на новую почву. Не лишним будет привести в связи

с этим следующее замечание Г. Ф. Гилла: «Так как колонисты обычно переносили богов, которым они поклонялись дома, то можно ожидать, что древнейшие типы, более или менее измененные, появятся на монетах колонии. Это объясняет появление изображения Диониса на монетах Наксоса Сицилийского, основанного островитянами с Наксоса эгейского¹⁶». Следует отметить также, что та значительная роль, которую играл остров Наксос в торгово-экономической жизни архаической Греции, делает вполне вероятным его участие в колонизации Запада.

Большие возражения вызывают положения, сформулированные и развитые Лакруа в главе о миграциях народов и легендарной колонизации Сицилии. По его мнению, некоторые типы монет обнаруживают стремление отдельных городов Сицилии и Южной Италии в целях повышения собственного престижа утвердить свое генеалогическое родство со знаменитыми городами Греции. Об этом свидетельствуют, например, селинунтские драхмы середины V в. с изображением Геракла, укрощающего быка. По мысли автора, Селинунт, новый город, лишенный легендарного прошлого, должен был создавать себе ореол благородного, по эллинским понятиям — древнего, происхождения. Помещая на своих монетах изображение Геракла, укрощающего быка, Селинунт как бы воскрешал узы, связывавшие его с двумя великими городами Греции — Аргосом, родиной героя, и Кноссом, в котором он совершил свой подвиг. Для доказательства этой гипотезы, не лишенной модернистической окраски, автору приходится совершить головомольный экскурс в генеалогию дорийских полисов и даже кое-где дополнить ее. Цепь умозаключений автора, которая, словно некая нить Ариадны, привела его из Селинунта в Аргос и Кнос, к сожалению, наполовину состоит из догадок и предположений. Как известно, Селинунт является колонией Мегары Гиблен, которая в свою очередь была основана Мегарами; следовательно, Селинунт связан родственными узами и с Мегарами, откуда он заимствовал свои религиозные установления и обычаи. Однако культ Геракла, широко распространенный в мегарских колониях, в самих Мегарах был второстепенным; здесь нить Ариадны волей фактов обрывается, и Лакруа, чтобы связать концы с концами, высказывает предположение, что культ Геракла в мегарских колониях распространился не из Мегар, а из Аргоса через Мегары, для чего ему приходится сделать еще одно предположение о том, что Мегары были основаны дорийцами из Аргоса. В доказательство этого приве-

¹⁴ Apud Steph. Byz., s. v. *χαλκίς*. «Теокл из Халкиды вместе с халкидянами и наксиянами основал города в Сицилии».

¹⁵ J. Bérard, *La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité*, P., 1957, стр. 79 сл.

¹⁶ G. F. Hill, *Ancient Greek and Roman coins*, Chicago, 1964, стр. 117.

дены по существу лишь ... одинаковость культа Аргоса и Мегар и обнаруженная автором аргосская традиция в Селинунте, представленная изображением Персея с головой Медузы на одной из метоп храма С. Здесь нить обрывается во второй раз, конечно, не вследствие тонкости аргументации, а потому, что одного рельефа явно недостаточно для бесспорного выявления той или иной традиции. Однако, как известно, чем дальше в лес — тем больше дров: вся в узелках, нить Ариадны, приведшая Лакруа в Аргос, естественно, влечет его в Кносс. Впрочем, по пути она еще раз обрывается: автору пришлось сделать очередное предположение о родственной связи Аргоса с Кноссом, правда, уже со ссылкой на В. Вольграфа, издавшего в 1948 г. надпись, в которой, по его мнению, Кносс и Тиллосос мыслятся в качестве колоний аргивян.

Совершенно очевидно, что изложенные выше построения Лакруа страдают чрезвычайной искусственностью; избыток предположений, к сожалению, не возмещен обилием доказательств. Изложенной гипотезе автора прежде всего противоречит тот факт, что культ Геракла был широко распространен почти во всех городах Великой Греции, а изображения героя или его атрибутов нередко встречаются на их монетных знаках, так что нет особых оснований усматривать в упомянутом монетном типе Селинунта какую-то декларацию генеалогических уз¹⁷. Происходящая из Селинунта кретаула с изображением Геракла и быка показывает, что легенда об этом подвиге героя пользовалась там особой популярностью¹⁸. Как бы там ни было, изображение аналогичной сцены на рядовой печати развенчивает созданную Лакруа «легенду» о «генеалогическом» значении данного монетного типа¹⁹. Лишенная веских доказательств, эта гипотеза Лакруа столь же малодостоверна, как и его попытка доказать позднее происхождение легенды о путешествии Геракла по

Сицилии, которая якобы была придумана в целях формального оправдания права греков на владение землями острова.

Сведения традиции о походе Геракла на Запад благодаря расписывке линейного письма В предстают сейчас несколько в ином освещении, нежели это было 15—20 лет назад, когда они представлялись совершенно фантастическими. В настоящее время становится все более ясным, что греческая мифология уходит своими корнями в крито-микенскую среду. В пантеоне крито-микенцев засвидетельствованы Посейдон (Po-se-da-o), Деметра (Da-ma-te), Афина (A-ta-na), Гефест (A-ra-i-ti-jo), Гефестии и многие другие «олимпийцы»²⁰. Чрезвычайно интересно, что засвидетельствованный только в Сиракузах культ Деметры $\Sigma\iota\tau\acute{o}$ перекликается с культом микенской богини si-to-ro-ti-ni-ja (Владычица зерна)²¹. В то же время, согласно Диодору (IV, 23, 4), культ Деметры и Керы у источника Киане близ Сиракуз был учрежден Гераклом во время его похода в Сицилию.

Тот факт, что в крито-микенской ономастике засвидетельствованы аналогии именам Кокала, мифического царя сиканов, и, возможно, героя Эрика, с которым Геракл боролся в Сицилии²², в какой-то мере свидетельствует о том, что легенды о походе Геракла в Сицилию существовали уже в крито-микенскую эпоху. Скорее всего, в сохранившихся известиях античных авторов о походе Геракла на Запад, восходящих к Стесихору, Эсхилу и Гелланнику²³, следует видеть литературную реминисценцию происходивших некогда походов крито-микенских вождей в страны Западного Средиземноморья.

Раннее происхождение легенд о Геракле и его подвигах подтверждается также тем, что культ дорийского героя, сына Алкмены, воспринял многие черты более древнего критского культа Идейских Дактилей, один из которых назывался Гераклом; по словам Диодора (V, 64, 5—7), совершенные им подвиги люди более позднего времени приписывали дорийскому Гераклу, хотя последний лишь подражал ему.

Конечно, вопрос о происхождении и формировании мифов о Геракле еще далеко не выяснен, однако и уже имеющегося материала достаточно для того, чтобы стала ясной неисторичность тезиса Лакруа о преднамеренной фабрикация легенд

¹⁷ G. Giannelli, *Culti e miti della Magna Grecia*, Firenze, 1963, стр. 43—48, 86—87, 118—119, 132—133, 140, 150, 169, 220, 238—239 и т. д. (для городов Южной Италии); Р а с е, ук. соч., в. III, Генoa, 1946, стр. 538 сл. (города Сицилии).

¹⁸ Р а с е, ук. соч., II, Milano, 1938, стр. 499. Кретаула находится в музее в Палермо.

¹⁹ Если принять гипотезу Лакруа, то придется признать, что Ларисса Фессалийская претендовала на генеалогическое родство с Аргосом и Кноссом, так как на ее драмах первой половины IV в. помещалось аналогичное изображение юноши, очевидно, Геракла, укрощающего быка, см. F r a n k e - H i r m e r, ук. соч., табл. № 149.

²⁰ S t e l l a, ук. соч., стр. 227 сл.

²¹ Там же, стр. 233 сл.

²² Ko-ka-to: $K\acute{o}\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ (PY Fg 374), см. L a n d a u, ук. соч., стр. 72. Имя Эрика можно поставить в прямую связь с именами, содержащимися в пилосских надписях (PY Ea 480 и PY Ep 539), — E-ri-qi-jo: $E\rho\acute{i}\kappa\omega\iota\varsigma$; E-ri-qi-ja: $E\rho\acute{i}\kappa\omega\iota\alpha$, ср. L a n d a u, ук. соч., стр. 51.

²³ E. P a i s, *Storia critica di Roma*, v. I, Roma, 1913, стр. 224.

о Геракле и его подвигах. Впрочем, один из моментов гипотезы Лакруа — о местном происхождении легенд о путешествии Геракла по Италии и Сицилии — может оказаться вполне вероятным. Все более четко обрисовывающиеся в последнее время связи Южной Италии и Сицилии с крито-микенским миром и особенно наличие в этом районе определенного числа крито-микенских этнических элементов дают возможность говорить о сложении, а может быть и происхождении, на местной почве легенд о Геракле, Миносе, яшигах и т. д. где-то в конце II — начале I тыс. Однако этот вопрос является уже предметом специального исследования, поэтому, не рискуя сильно углубляться в область предположений, мы ограничимся заключением такого осторожного исследователя, как В. Тэйлор, который пришел к выводу, что легенды о Миносе и Геракле в Сицилии в деталях далеки от истины, но в основе своей реальны ²⁴.

²⁴ W. T a y l o u r, Mycenaean pottery in Italy and adjacent areas, Camb.,

Подводя итоги, нужно сказать, что, несмотря на отмеченные недостатки, работа Лакруа в целом является значительным вкладом в изучение истории Великой Греции.

Следует отметить, что эта область науки об античности за последнее время приобрела поистине интернациональный характер: созываются международные конгрессы, выходят монографии и периодические издания, силами ученых многих стран производятся раскопки древних центров. Советская историческая наука также должна внести свой вклад в изучение истории Великой Греции.

В. П. Яйленко

1958, стр. 190; M. P. Nilsson, The Mycenaean origin of Greek mythology, Berkeley, 1932, стр. 187—220; Т. В. Б л а в а т с к а я, Ахейская Греция, М., 1966, стр. 103.

G. CASTELLINO, S. M. CECCHINI, A. DAVICO, M. F. SQUARCIAPINO, P. FRONZAROLI, M. LIVFRANI, P. MATTHIAE, G. MATTHIAE SCANDONE, *Missione archeologica Italiana in Siria. Rapporto preliminare della Campagna 1965* (Tell Mardikh), (Universita degli studi di Roma, Istituto di studi del Vicino Oriente, Serie Archeologica, 10), Roma, 1966, 210 стр. + 6 рис. + XCIII табл.

Очередной II том ¹ с отчетом об итальянских раскопках в Сирии посвящен профессору Сабатино Москати, одному из тех ученых, которому Италия обязана достойным местом в мировой семитологии и древневосточных штудиях.

Первый сезон раскопок был посвящен преимущественно зондажу, при котором наиболее перспективным оказался Телль-Мардик в Северной Сирии, поэтому второй сезон был занят исключительно раскопками этого холма, где во II тыс. до н. э. находился крупный политико-административный центр этого района. К сожалению, до сих пор ввиду отсутствия эпиграфического материала нельзя его отождествить ни с одним из известных нам по письменным источникам городов.

На четырех участках раскопа была обнаружена керамика конца раннебронзового периода (конец III тыс. до н. э.) — селевкидского времени; отдельные черепки относятся и к византийскому и омейяд-

скому времени. Таков же и диапазон датировок терракот, найденных здесь в большом количестве ².

Оборонительные сооружения восходят к началу II тыс. до н. э. (стр. 19—30). При раскопках сектора В обнаружены остатки значительного каменного здания, как полагает М. Ливерани, вероятнее всего святилища (стр. 40—43), где обнаружен еще один культовый каменный бассейн (1,12×0,65 м), украшенный снаружи, как и оба бассейна, найденные при предыдущих раскопках, двумя регистрами рельефов. Здесь же открыта базальтовая статуя сидящего бородатого мужчины. Вполне возможно, что она,

² См. о четырех секторах раскопа (A, B, D, E) соответствующие статьи A. Davico, S. M. Cecchini (стр. 19—30), M. Liverani (стр. 31—58), M. F. Squarciarino (стр. 59—80), P. Fronzaroli, P. Matthiae (стр. 81—102); о терракотах — P. Fronzaroli, G. Matthiae Scandone (стр. 143—208).

¹ Рец. на отчет о первом сезоне (1964 г.) раскопок см. М. Л. Г е л ь ц е р, ВДИ, 1967, № 3, стр. 150—151.

как думают издатели, относится к концу III — началу II тыс. до н. э., так как допустимо, что несмотря на определенное сходство со скульптурой раннего Мари, т. е. конца III тыс. до н. э., в окранных областях эта традиция в искусстве могла бытовать дольше³.

Особого внимания заслуживают оттиски цилиндров-печатей на керамике. К сожалению, черепки не сохраняют всегда полного оттиска печатей. Они тоже найдены в основном в секторе В. Имеется также печать со звериным орнаментом Джеддет-Наср периферийного типа (стр. 49, табл. LXXX, 4). Наиболее же интересен оттиск печати на черепке (стр. 51, табл. LXXIX, 3—4), где явно различаются два антропоморфных мифологических существа месопотамского типа, в то же время между ними имеется изображение древнеегипетского знака *анх*, что характерно для печати сирийской работы. На печати имелась также и кли-

нописная легенда, от которой сохранились лишь остатки двух строк⁴. Чтению поддаются лишь отдельные знаки и, как отмечает Дж. Кастеллино, палеография их характерна для времени от старовавилонского (начало II тыс. до н. э.) до нововавилонского (VII—VI вв.) времени. В то же время как сюжет, так и знак *анх* заставляют ученых вполне обоснованно отнести печать ко II тыс. до н. э. Надо надеяться, что последующие раскопки дадут и другие эпиграфические находки.

Все издание выполнено в большом формате с развернутыми планами-схемами раскопов в большом масштабе.

Следует лишь удивляться оперативности итальянских ученых и научных учреждений, сумевших в такой короткий срок издать этот ценный и важный том.

М. Г.

³ См. P. Matthiae, *Le sculture in pietra* (стр. 103—142, табл. XXXVIII—LVII).

⁴ G. R. Castellino, *Nota sull'iscrizione cuneiforme del sigillo*.